

**Отзыв официального оппонента на диссертацию Ольги Эдвардовны Набялэк
«Проблемы пореформенного помещного дворянства в восприятии русского
общества (по материалам художественной литературы и публицистики)»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по
специальности 07.00.02 – «Отечественная история»**

Повышенный интерес к мнениям, настроениям, восприятиям, представлениям, репрезентациям, к дискурсам в современной историографии несомненен; «культурный» поворот можно считать господствующим трендом. Поэтому тема диссертационного исследования представляется актуальной, научно и историографически оправданной. Тем более что обращение к художественной литературе за «культурной» информацией практикуется в российской историографии редко, а обращение к публицистике хотя и чаще, но недостаточно сравнительно с ее возможностями.

Предметом изучения является «восприятие российским обществом изменений в социальном, экономическом, политическом, нравственном аспектах жизни помещного дворянства в пореформенную эпоху, формирование определенного образа не только на страницах печати, но и в общественном сознании». Выбор дискурса дворянства представляется резонным, потому что в советской историографии помещное дворянство как объект исследования привлекало внимание историков во много раз меньше, чем, например, крестьянство или рабочие.

Ограничение рамок исследования 1860—1880-ми гг. не вызывает возражений. В историографии время с начала 1860-х гг. до середины 1890-х гг. традиционно рассматривается как целостный период. Он хорошо обеспечен источниками, что позволяет решить поставленные в диссертации исследовательские задачи на высоком научном уровне.

Четкая ясная структура диссертации соответствующая поставленным задачам. Исследование включает введение, четыре главы, заключение, список источников и литературы и два приложения. Во введении обосновываются актуальность и новизна исследования, определяются объект, предмет, цель, задачи, хронологические рамки и методологические основы диссертации, анализируется степень изученности проблемы, дается характеристика источниковой базы. Здесь О. Э. Набялэк продемонстрировала хорошее знание литературы и источников по изучаемому вопросу.

Вопросу о том, как реакция помещного дворянства на реформы отразилась в беллетристике конца 1850—1860-х гг., посвящена первая глава «Испытание реформой. (Реформа – зло или благо?)». Шок, тревога, надежды одних и разочарование других;

понимание, что произошло коренное изменение в положении дворянства, которое и накануне реформ не казалось большинству благополучным.

Во второй главе «Пореформенное помещичье хозяйство» рассмотрено, как хозяйственные практики дворян после отмены крепостного права отразились в беллетристике 1860-1880-х гг. Сразу после крестьянской реформы одна часть помещиков активно и креативно искала выход в рационализации хозяйства, инвестируя выкупные платежи крестьян в новую технику и в вольнонаемный труд. Но без соответствующего опыта принятые меры не принесли ожидаемого эффекта, и наступило разочарование в инновациях. Другая часть помещиков модернизировала старые методы хозяйствования, обратившись к штрафам, исполщине, издольщине и патернализму, но без большого успеха. Новаторы и традиционалисты на основе своего опыта вскоре пришли к выводу, что без государственной поддержки прибыльно хозяйствовать крайне затруднительно. В 1870—1880-е гг. неудачники обратились к новым способам сохраниться на плаву: к «отхожим промыслам», службе мировыми судьями и членами земских управ, к участию в различных предпринимательских проектах; многие оставляли свои хозяйства и переезжали в город. Большинству удавалось найти средства к жизни, но это не спасало их дворянские гнезда; они вынуждены были переходить в другие профессиональные группы.

И хотя в литературе нашлось место и третьей, немногочисленной, группе помещиков, которые успешно приспособились к новым условиям и организовали процветающие хозяйства, писатели и публицисты 1870-х гг. почти единодушно свидетельствовали об упадке и разорении помещиков как главном тренде, и именно тогда сформировался стереотип о дворянском оскудении в пореформенное время. «Примеры образцовых хозяйств, представленные в художественной литературе и публицистике, - полагает диссертантка, - не отрицают суть дворянского оскудения, а только, как исключения, подтверждают правило, что основная масса поместных дворян была неспособна выжить как землевладельцы в новых экономических условиях. Важнейшим условием саморазвития помещика выдвигается большая работа над собой и перестройка своих прежних взглядов на хозяйство» (Диссертация, с. 115).

Третья глава «Дворянство в системе пореформенных социальных отношений» посвящена отражению *социального положения и морального облика* поместного дворянства в публицистике и беллетристике 1860—1880-х гг. Публицистов и отчасти писателей по традиции, сложившейся в советской историографии, диссертантка делит на передовых демократов, неясных и противоречивых либералов и реакционных консерваторов-охранителей, которые практически не создали сильных художественных произведений, но заметно проявили себя в публицистике. Если консерваторы смотрели на

поместное дворянство «как на духовную силу, моральный стержень общества, либералы надеялись на возможность самосовершенствования сословия, то демократы подчеркивали нравственную деградацию дворянства и всей системы крепостничества. Важный вывод О. Э. Набялэк состоит в том, что «художественная литература, сыграла ключевую роль в формировании представлений о дворянстве в новую эпоху» (Дис., с. 9). Самые яркие произведения эпохи принадлежали писателям демократического и отчасти либерального направления. А они создали отрицательные образы дворянства как старшего, так и молодого поколения и вынесли «печальный вердикт» его моральным ценностям. В значительной мере вследствие этого в общественном мнении и утвердился негативный образ дворянина-помещика – неудачника, не готового в силу воспитания и привычек к упорному практическому труду и обучению, не способного адаптироваться к новым условиям существования и потому находившегося в состоянии экономической и моральной деградации.

Четвертая глава «Новый виток дискуссии по дворянскому вопросу в 1880-е» посвящена анализу *дискуссий, развернувшихся в литературе 1880-х гг.* Государственная поддержка стимулировала подъем консервативной публицистики, которая заговорила об ошибочности реформ 1860-х, ратовала за новое прочтение темы крепостного права, за пересмотр некоторых положений Великих реформ, за возрождение дворянства как высшего сословия империи, восстановление его привилегий. Либерально-демократические круги ответили рядом художественных произведений, ключевой идеей которых стала невозможность возвращения к дореформенным порядкам. К началу 1890-х гг. большинство авторов либерального плана перестает проявлять интерес к дворянскому вопросу. За исключением крайних консерваторов, дворянская тема перестала быть актуальной в художественной литературе и публицистике, что означало завершение дискуссии, начавшейся в 1860-е гг. По этой причине в общем числе произведений, посвященных дворянскому вопросу, в 1860-1870-е гг. преимущество было за либералами и демократами, а в 1880-е гг. – за консерваторами.

Закключение резюмирует результаты исследования, которые и выносятся на защиту.

Научная новизна диссертации состоит в том, что она является первой попыткой комплексного изучения дискурса помещного дворянства в российской беллетристике и публицистике 1860—1880-х гг. Особую ценность представляет анализ художественной литературы как источника сведений при изучении групповых интересов, мнений, настроений, само- и перекрестных репрезентаций отдельных социальных групп, а также при исследовании общественного мнения и развитии гражданского общества, вопросов восприятия современности и истории общественной мысли.

На мой взгляд, практическая значимость диссертации состоит прежде всего в том, она дает историкам представление об информационном потенциале беллетристики, которая до сих пор редко используется в историографии в качестве источника. Диссертантка справедливо считает, что историография является одновременно и наукой и гуманитарной дисциплиной, благодаря чему она может понимать историческую действительность и научными, и художественными средствами: «Считая историю точной наукой, мы не имеем права отрицать, что человеческое сознание – особый объект – и на него “образ” порой воздействует сильнее любого другого довода. <...> Дар художественности должен не мешать, а помогать при изучении человеческого прошлого» (Дис., с. 254). От себя добавлю: художественные произведения можно рассматривать также как конкретные социологические исследования, проведенные писателями методами наблюдения, часто включенного, понимания и сопереживания. Некоторые писатели-деревенщики, например Г. И. Успенский и А. Н. Златовратский, сначала проводили такие исследования, а потом обобщали и беллетризовали их результаты в своих рассказах и романах. Публикация диссертации в качестве монографии мне представляется весьма желательной – таким образом она может позитивно повлиять на исследовательские практики историков, стимулировать их на расширение источниковой базы работ за счет беллетристики. Причем не только тех работ, которые посвящены общественному мнению, массовым представлениям и восприятию современниками положения отдельных социальных групп, но и тех, которые изучают реальное социально-экономическое положение последних.

О. Э. Набялэк удалось полностью реализовать в диссертации поставленную цель – адекватно показать, как в беллетристике и публицистике отразилось положение дворянства в пореформенной России. Несмотря на это, не все в ее исследовании меня удовлетворило.

Не радуют ярлыки, навешиваемые по традиции на различные литературные и общественные течения. Демократы – обязательно или преимущественно прогрессивные, консерваторы – реакционеры и охранители, либералы – неясные, неопределенные, двуличные – не осуждали помещика, а признавали его в некоторой степени жертвой крепостной системы и обстоятельств. Ярлыки со временем превратились в безапелляционные оценки. Демократ, значит, хороший, консерватор – плохой, либерал – латентный консерватор и лицемер. Ярлыки неверны по существу и нагружает научный анализ ненужным морализированием. Мне кажется, что автор в большинстве случаев разделяет эти оценки, хотя иногда и сознает их некорректность: «Если говорить о линии

охранителей, консерваторов, или в нашем случае их лучше назвать защитниками дворянства», – например, говорит она на с. 19 диссертации.

Многие консерваторы не имели ничего общего с реакционерами. Они желали совещательного участия народа в принятии государственных решений, мирного сближения общества с монархом путем устранения некоторых негативных черт существующего порядка. Об этом говорит и сама диссертантка (Дис., с. 122—124). Известный историк С. В. Тютюкин так оценивает консерватизм: «Патриотизм, ставка на сильную державную власть, стремление к нравственному очищению людей, уважение к русской национальной культуре, истории, независимая внешняя политика, достойная великой страны, не менее ценны, чем такие либеральные ценности, как свобода личности, демократия, широкое общественное управление и поиск компромисса как главного решения всех политических, социальных и национальных проблем»¹. Что здесь реакционного!? По этой причине в современной историографии отказываются от использования термина «контрреформы» применительно к преобразованиям 1880-1890-м гг. и их трактовки исключительно как стремления верховной власти отменить или, по крайней мере, сузить либеральное значение реформ. В них усматривают и второй аспект — более органичное и рациональное по своей сути приспособление новых учреждений и институтов, созданных реформами, к традиционным институтам, к потребностям всего общества, а не только его малочисленной образованной части².

Либералы разных направлений (в современной историографии различают старый и новый либерализм) стремились к мирной эволюции самодержавия в сторону правового государства в форме парламентской конституционной монархии. Что здесь лицемерного и антинародного?! В то же время так называемые революционные демократы, не смогли оценить громадный потенциал крестьянской и других Великих реформ, не хотели сотрудничать с властью, поддержали террор и призывали к топору. Что здесь передового и прогрессивного?!

О. Э. Набялэк сознает, что «ни “художники”, ни тем более публицисты не могли дистанцироваться от общественных дискуссий по злободневным социально-значимым вопросам» (Дис., с. 247). Однако целесообразно было бы принять во внимание, что писатели и публицисты находились под давлением общественного мнения и их произведения служили средством политической борьбы, что подрывало объективность

¹ Русский консерватизм: проблемы, подходы, мнения (Круглый стол) // Отечественная история. 2001. № 3. С. 133.

² Большакова О. В. Реформы и контрреформы 1860—1890-х годов в исторической науке XX в. (обзор) // Россия XX столетия в исторической науке: взгляды, концепции, ценностные подходы : Российская империя (конец XIX в.—1917 г.) / В. М. Шевырин (ред.). М., 2000. С. 60—91.

создаваемой ими картины. Характерны примеры с А. А. Фетом, Н. С. Лесковым и А. П. Чеховым.

А. А. Фет в 1860 г. купил хутор и неожиданно для всех стал успешным сельским предпринимателем. В 1862—1871 гг. Фет печатал в журналах очерки и в них делился своим опытом хозяйствования, наблюдениями и размышлениями о сельском хозяйстве, крестьянстве, развитии России. На второй цикл его очерков, опубликованный в «Русском вестнике» в январе—марте 1863 г., уже в апреле того же года откликнулся журнал «Современник», поместив анонимное стихотворение, написанное Н. А. Некрасовым, где деятельность Фета получила негативную и насмешливую оценку. В этом же номере журнала М. Е. Салтыков-Щедрин напечатал разгромный разбор очерков Фета с карикатурным пересказом его заметок, назвав предпринимательство Фета человеконенавистническим. Фета высмеивали Д. Л. Минаев, В. А. Зайцев, П. А. Медведев. Наконец Д. И. Писарев в 1864 г. завершил его стигматизацию. После этого «мотыльковый поэт» в представлении демократической общественности превратился в крепостника, отчаянного реакционера, противника науки и просвещения, эксплуататора народа. Имидж человека, прикрывавшего свое стяжательство и жестокость маской «нежного поэта», закрепился за Фетом до конца его дней.

Пострадал и Н. С. Лесков за свой роман «Некуда», опубликованный в 1864 г., в котором сатирически изображавшемуся быту нигилистической коммуны противопоставлялись трудолюбие русского народа и христианские семейные ценности. У большинства изображенных Лесковым «нигилистов» были узнаваемые прототипы (в образе главы коммуны Белоярцеве угадывался литератор В. А. Слепцов). Роман вызвал негодование демократической общественности. Этот первый в политическом отношении дебют на многие годы предопределил место Лескова в литературном сообществе как писателя с «реакционными», антидемократическими взглядами. Левая пресса активно распространяла слухи, согласно которым роман был написан «по заказу» III Отделения. Это «гнусное оклеветание», по словам писателя, испортило всю его творческую жизнь, на многие годы лишив возможности печататься в популярных журналах.

А. П. Чехов получил полное признание демократической общественности только после публикации в 1897 г. своего рассказа «Мужики», в котором русский крестьянин предстал предельно отсталым, консервативным, недалеким, угнетенным и замученным непосильными налогами и поборами. А до тех пор критика часто говорила об оторванности писателя от злобы дня и проблем текущей общественной жизни.

В диссертации редко ставится вопрос об объективности беллетристики и публицистики, о том, насколько образы помещиков и их повседневные практики

соответствуют реальности. Причем, делается это вполне сознательно: «Мы не ставили в своей работе задачу вычислить в процентном или ином соотношении степень отражения реального положения вещей, – указывает О. Э. Набялэк. – Но можно сказать, что она была достаточно высока, а изображение было адекватным именно как символическое, знаковое. Наверно, в этом и состоит высокое предназначение литературы – показать не просто рядовое явление, а то, что стало признаком, символом времени (Дис., с. 249).

Складывается мнение, что диссертантке не удалось сохранить дистанцию между собой как наблюдающим субъектом и своим объектом – литературой и публицистикой. Она встала на сторону демократического лагеря, так как чаще всего доверяет писателям «демократического лагеря» и не доверяет авторам - «консервативного лагеря». «Сквозь преувеличения сатирика (М. Е. Салтыкова-Щедрина. – Б.М.) ясно видна правда, да и самые преувеличения оказываются иногда не чем иным, как акцентированием, “высвечиванием” определенных сторон жизни и характеров, которым автор хотел уделить внимание» (Дис., с. 150). В то время как образы, созданные консервативными авторами, кажутся диссертантке малоубедительными, не типичными, исключительными (Дис., с. 252). Такая позиция представляется мне естественной и закономерной. О. Э. Набялэк никогда не изучала социально-экономическую историю дворянства самостоятельно и в своих оценках благоразумно склоняется к доминирующей в историографии точке зрения, которая совпадает с мнением писателей и публицистов демократического направления. В аналогичных случаях так поступают 99% исследователей. Между тем писатели всех направлений конструировали социальную реальность в соответствии со своими идеологическими пристрастиями, представлениями о правде и истине, хотели понравиться читателю и представителям того направления, к которому они сами себя и другие их причисляли. Для своих произведений они выбирали соответствующие журналы и издательства.

Когда диссертантка анализирует дискурс дворянства в литературе, она делает это адекватно. Когда она выходит за рамки анализа собственно дискурса и пытается дать ему социально-экономическое объяснение, то получается не столь убедительно. Например, мнение о том, что все или большинство помещиков не способны были трудиться и являлись обломовыми – не имеет эмпирического подтверждения. Офицерский корпус и бюрократия состояли в значительной степени из поместного дворянства, а на службе приходилось работать и добиваться успехов, иначе карьера не удавалась. Кстати, помещику, проживавшему в поместье, приходилось не только охотиться, принимать гостей или ездить в гости, но и серьезно заниматься хозяйством своим и своих крестьян.

Не кажется мне убедительной и точка зрения, согласно которой «фатальная обеспеченность» являлась главной причиной, породившей многие проблемы российских дворян, потому что «в массе своей они были гарантированно защищены от крайней нищеты и нужды» и не имели стимула развиваться и работать не только на благо общества, но и ради своего собственного благополучия («Имея в наличии десяток-другой крепостных, - полагает диссертантка, - помещик получал пусть небольшой, но стабильный доход, кормивший его» (Дис., с. 47)). На самом деле десяток-другой крепостных давали незначительный доход, позволявший существовать, но не вести образ жизни соответствующий дворянскому статусу. Чтобы по-дворянски одеваться, питаться, иметь сколько-нибудь приличный дом, чтобы дать образование своим детям, необходимо было трудиться и совмещать обязанности помещика со службой чиновником или офицером, что большинство помещиков и делали, ибо около 80% из них имели менее 100 крепостных мужского пола. Например, в 1858 г. доля помещиков, владевших менее чем 20 душами, составляла 39% всех помещиков, а владевших 21—100 душами – 38%. По-настоящему богатых помещиков с числом крепостных от 500 и больше насчитывалось около 15%. Большинство русских помещиков и дворян в целом можно назвать бедными. Хотя они и располагали доходами в несколько раз большими, чем крестьяне, мещане или рабочие, в рамках дворянского сословия этого было мало и недостаточным для того, чтобы вести жизнь в дворянском стиле. Не случайно в крепостное время среди дворянства имелось довольно значительное число деклассированных элементов, которые нигде не служили, не получили никакого образования, не имели крепостных, потеряли дворянское достоинство и по своему положению приблизились к крестьянству. По приблизительному подсчету Министерства внутренних дел, таких лиц насчитывалось в 1846—1847 гг. до 109 тыс. мужского пола³. К счастью, О. Э. Набялэк сознает, что социально-экономическая проблематика – не ее тема, и редко пускается в социально-экономические штудии.

Должен подчеркнуть, что высказанные замечания нельзя считать недостатками диссертации. Это мое личное мнение, которое, наверное, разделяют не все члены Ученого совета. О. Э. Набялэк также имеет право на свою точку зрения.

Подведу итоги.

Диссертация О. Э. Набялэк является оригинальным исследованием малоизученной, важной и актуальной проблемы. Автор обнаружила хорошее знание литературы и источников, методологии и методики анализа. Диссертантка сделала интересные

³ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX вв.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 3-е изд. СПб., 2003. Т. 1. С. 88, 90

наблюдения, получила ряд новых выводов. То, что некоторые из них вызывают возражения, на мой взгляд, свидетельствует о плодотворности проделанной работы – серьезное исследование всегда ставит новые вопросы, свежие наблюдения всегда порождают дискуссии.

Содержание диссертации изложено в классических академических традициях – логично и аргументированно, четко и ясно, что позволяет читателю легко понимать автора. Диссертация оформлена в соответствии с требованиями ВАК. Ее основные положения нашли отражение в опубликованных статьях.

Все вышеизложенное позволяет мне сделать вывод о том, что выполненное на высоком уровне исследование отвечает всем требованиям, предъявляемым к кандидатской диссертации, а О. Э. Набялэк заслуживает присвоения искомой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02. – «Отечественная история».

Б. Н. Миронов,
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник
С.-Петербургского института истории РАН

Подпись (и) Б. Н. Миронова
удостоверяю
Вед. инспектор по кадрам СПбИИ РАН
Р.Н. Панина
29 октября 20 15 г.